

Россия без Асада

Riddle Russia о целях информационной кампании против Дамаска и возможности радикальных изменений в сирийской системе власти

Riddle Russia

15 мая 2020

Фото: Scanpix

«Наконец Россия стала проявлять публичное недовольство Башаром Асадом и отправила сирийскому режиму ясные сигналы своего реального отношения в преддверии президентских выборов в 2021 году». Этот тезис влиятельные [арабские](#) и [западные](#) СМИ транслировали весь апрель. Так они трактовали, казалось бы, очевидные, но довольно скептические в отношении режима Асада российские публикации.

О каких публикациях идет речь? Во-первых, это серия статей «фабрики троллей»

бизнесмена-ресторатора Евгения Пригожина, в которых подвергались сомнению президентские перспективы Асада и критиковалась сирийская экономическая политика с разоблачением местных коррупционных схем. Во-вторых, это полевое [социологическое исследование](#) связанного с Пригожиным Фонда защиты национальных ценностей (ФЗНЦ), где констатировалось снижение рейтинга президента САР и его низкие шансы на честную — если такая вообще возможна в сирийской действительности — победу в 2021 году. Также в исследовании говорилось о рекордно низком уровне жизни населения и нехватке продуктов питания. В-третьих, это опубликованная в «Коммерсанте» [колонка](#) бывшего российского дипломата, в которой он дал понять: нынешние проблемы Сирии заключаются не в террористической угрозе, а в неспособности властей в Дамаске наладить систему государственного управления для перехода от «военной экономики» к нормальным торгово-экономическим отношениям.

Благоприятной почвой для этих публикаций стали [инсайды](#) израильского эксперта Эди Козна, предрекшего со ссылкой на свои источники бегство Башара Асада в Беларусь. А завершили месяц антиасадовской критики [два видеообращения](#) двоюродного брата сирийского президента и одного из богатейших людей республики Рами Махлуфа, в которых он отверг обвинения в коррупции и попросил не конфисковать/национализировать большую часть его активов. Влиятельный «столп» сирийской экономики и алавитской общины предал огласке внутриэлитный конфликт крайне закрытого режима. Ничего подобного прежде не было.

Наблюдатели увидели в происходящем руку России. Так, например, Козн считает, что Москва якобы пытается уравновесить сирийскую систему фигурой, компромиссной для Запада и арабского мира. Именно поэтому для Асада путь закрыт даже в «гостеприимный» для провалившихся политиков Ростов-на-Дону. А обращение Махлуфа было проинтерпретировано следующим образом: Москва ведет подковерную борьбу и заставляет наиболее одиозных сирийских олигархов вложиться в реконструкцию страны. Антикоррупционная кампания против Рами Махлуфа началась в 2019 году: тогда арабские СМИ и ряд западных изданий [сообщили](#) о том, что Россия потребовала от Дамаска погашения займов на \$ 3 млрд, приводя в качестве аргумента роскошную жизнь членов семьи Асада. А позднее в прессе появилась информация о [приобретении](#) родственниками Асада, включая все того же Рами, недвижимости в элитном районе «Москва-сити».

Но давайте разберемся с официальной позицией и позицией бизнес-структур в России, которые, по [выражению](#) президента Владимира Путина, вправе «продавливать свои бизнес-интересы в любой точке планеты».

На наш взгляд, серия публикаций, запущенная пригожинскими СМИ, намеренно инициировала пиар-волну, которую целенаправленно подхватили дружественные издания, и случайно — сторонние, заинтересованные в кликабельности этой темы. Через несколько дней инициаторы [удалили](#) с подконтрольных им сайтов негативные [статьи](#) (в основном при сохранении старых URL). Исчез и [опрос](#) ФЗНЦ, который показал, что лишь треть опрошенных готовы поддержать Асада на выборах 2021 года ([сохранен](#) в Сети). Затем появилось [заявление](#): сайт взломали, за раскруткой негатива стоят «враги Асада» и турецкая разведка.

Провести социологическое исследование, подобное опросу ФЗНЦ, «по телефону» невозможно: сирийцы, проживающие на подконтрольной режиму территории, не будут отвечать на прямые острые вопросы «социологов». Поэтому цель пиар-волны — либо личный интерес при заключении контрактов с сирийским правительством, либо способ

управления настроениями сирийцев, которые не видят изменений в стране, то есть это — выпуск пара. Второе более вероятно.

Что касается колонки экс-дипломата в «Коммерсанте», очевидно, что это личная, давно известная и аргументированно критичная позиция автора, Александра Аксененка. Просто она попала в струю и подогрела возникший интерес.

Для информированных экспертов не секрет, что кулуарно официальная Москва давно не в восторге от поведения своевольного союзника, который крайне тяжело идет на уступки, зато легко плетет манипуляционные сети.

Сирийский режим, считающий себя победителем в войне, намерен вернуть положение, существовавшее до революции 2011 года, и по-прежнему настаивает: не было никакого социального взрыва, государство шло верным политическим и экономическим путем, а бунт был инспирирован из-за рубежа и с привлечением международных террористических группировок.

Дамаск продолжает демонстрировать свою закостенелость и неспособность не только оценивать последствия собственных шагов, но и реагировать на новые вызовы. По этой причине небывалых высот достиг уровень коррупции и сосредоточения капиталов в узком кругу лиц, что усугубляется сохранением военной экономики в стране, где полевые командиры различных проправительственных формирований, включая регулярные части Сирийской арабской армии, превратились в участников криминальных картелей и магнатов, контролирующих те или иные доходные сферы бизнеса. И если подобное положение в Сирии сохранится и не будут проведены глубинные реформы, которые должны затронуть основу нынешней системы, страну ждет коллапс и новый виток эскалации, который похоронит сирийский режим и сведет на нет российское влияние.

Но отсутствие иллюзий никогда не мешало и не мешает российским дипломатам и военным, прикрывающимся риторикой о выборе сирийского народа и необходимости сохранения институтов власти, [имитировать](#) процесс политического урегулирования и ослаблять оппозицию при одновременном усилении фигуры Асада. В Москве вполне осознают, что пока у семьи Асадов находится административный ресурс, никакие серьезные реформы невозможны. По сути, Дамаск блокирует даже показательные полумеры и имитации преобразований, поэтому надежды на то, что он начнет предпринимать реальные шаги в этом направлении, остается все меньше.

Российская сторона, вероятно, будет продолжать подталкивать сирийский режим к политическим и экономическим реформам. Для этого он должен будет конструктивно [участвовать](#) в Конституционном комитете в Женеве для внесения хотя бы части косметических поправок в Основной документ страны, [реорганизовать](#) бизнес-управление портовой инфраструктурой, [снижать](#) уровень поборов на блокпостах и кумовство в кадровых подразделениях (для этого Россия сопровождает сирийские силы безопасности при арестах командиров ополчений и даже предложила создать антикоррупционную [комиссию](#) в армии). Москва, очевидно, будет одновременно держать в уме сценарий, что та или иная внутренняя партия в руководстве САР сочтет необходимым отстранить от управления тех деятелей, которые препятствуют проведению преобразований.

Однако учет внутриэлитных раскладов и даже давление на олигархов вроде Махлуфа не означают, что Москва накачивает мышцами элитные группы для смены режима. Пока

все идет к тому, что Дамаск, играя на противоречиях РФ и Ирана, консолидирует в своих руках активы и [усиливает](#) полномочия жены президента — Асмы Асад, которая уже получила контроль над долей ряда компаний, включая сирийскую телекоммуникационную компанию Syriatel, которая принадлежала Махлуфу. Сирийский режим, существующий в условиях санкций и привыкший к дотационным или контрабандным экономическим схемам сотрудничества со своими союзниками, пытается лишить влияния набравших авторитет за годы войны магнатов. Отсюда — недвусмысленные намеки Махлуфа на то, что без него алавитская община может претерпеть изменения, которые отразятся на поддержке Асада.

Кроме того, сирийский режим сам пытается уменьшить зависимость от Москвы и ищет пути взаимодействия с арабскими монархиями Персидского залива, в частности ОАЭ. Например, по [сообщению](#) издания Middle East Eye, за несколько дней до того, как 5 марта в Кремле состоялись переговоры между президентами РФ и Турции о прекращении огня в сирийском Идлибе, Абу-Даби и Дамаск договаривались о том, что за \$ 3 млрд войска Асада будут пытаться аннулировать сирийские договоренности Москвы и Анкары, чтобы Турция завязла в Идлибе и не смогла активно противостоять [союзникам](#) Эмиратов в Ливии. Насколько такая информация правдива — точно неизвестно, но сирийско-эмиратское взаимодействие осуществляется достаточно активно. Впрочем, этому способствовала сама Москва, которая [контактами](#) с Абу-Даби в январе-марте готовила почву для включения ОАЭ в реконструкцию страны и проявляла готовность подкорректировать свою политику, чтобы иметь возможность разыграть усилия по минимизации турецкого влияния на востоке САР. То, что российские официальные лица не просчитали возможности кулуарных договоренностей у них за спиной, — очередное свидетельство своевольности режима и неправильно выбранной модели взаимодействия с ним.

Но главное во всем этом то, что Россия за годы активной кампании так и не смогла институализировать свое присутствие в Сирии: создать полностью лояльные прокси-силы и влиятельное политическое лобби, на которые Москва могла бы опереться, побуждая Дамаск к тем или иным шагам. В рамках поддержки военных операций в САР российская сторона была вынуждена [делать ставку](#) не на регулярные силы Сирийской Арабской Армии, в которых Иран имел чрезвычайно прочные позиции, а на различные парамилитарные формирования, пытаясь «слепить» из них устойчивые соединения. Единственной регулярной структурой, с которой Россия вела успешную работу, была фрагментированная дивизия «Сила Тигра», действовавшая под эгидой разведки ВВС. Но в 2019 году дивизия была передана в состав САА, став 25-й дивизией специального назначения, что может указывать на снижение роли России в поддержке этого вооруженного формирования.

Неудачи с формированием 4-го корпуса из вновь сформированных 2-й и 6-й дивизий объяснялись и тем, что российские военные не учли местных особенностей — мало кто из ополчений хотел терять самостоятельность, вписываться в штатно-организационные схемы САА и переходить в ее [состав](#) с учетом предоставления бойцам статуса военнослужащих. Пятый добровольческий штурмовой корпус, в создании которого активно участвовала Россия, так и остался, по сути, вспомогательной ополченческой структурой, которая не способна решать оперативные задачи самостоятельно. В России это формирование считается [успешным](#) проектом по построению боеспособного соединения с нуля и [прообразом](#) обновленной сирийской армии нового типа, способной интегрировать не только лояльных Асаду людей, но и [бывших повстанцев](#), как это [произошло](#) на юго-западе Сирии. В то же время подобная интеграция оппозиции стала

возможной только после 2018 года — по результатам договоренностей России, США, Иордании и Израиля при скрытом участии ОАЭ. Попытки российского рекрутинга в провинции Сувейда за год до «примирения» режима и оппозиции (по результатам сделки внешних игроков) не встретили [должного понимания](#) у местного населения, несмотря на приемлемое по сирийским меркам жалование.

Подобный процесс свидетельствует о том, что разговоры о сильном влиянии Москвы на сирийский силовой аппарат и попытках успешно заместить проиранских фигур на пророссийские в армии, — сильное преувеличение реальной ситуации. Многие кадровые решения [объясняются](#) поиском РФ своего соседства с Ираном в Сирии и банальным внутрисирийским перераспределением активов.

Вовлечение в сирийский конфликт позволило России перейти от слов к делу и действительно «вернуться на Ближний Восток» — активизировать связи с региональными и внерегиональными акторами и навязать им диалог «на равных». Однако патовая ситуация на сирийском направлении и [невнятная линия](#) на ливийском треке ставят вопрос о реальной эффективности российской внешней политики.

Гнуть прежнюю линию в отношении Дамаска (т.е. потакать его прихотям и следовать за ним, а не вести «своего клиента» за собой) чревато тем, что сирийский режим поймает новый политический коллапс и новый социальный взрыв. И Москве придется с новой силой спасать сирийскую государственность, попутно отстаивая свои позиции среди элиты. При этом у российской стороны, которой к тому же придется преодолевать последствия своего нефтяного демарша, ускорившего падение цен на нефть в условиях пандемии, не так много ресурсов для воздействия на Асада и фигур вроде Махлуфа, имеющих достаточное количество источников теневого дохода. Таким образом, возвращение России на Ближний восток, начавшееся с сирийской кампании ВС РФ, грозит обернуться для Москвы «ближневосточным тупиком», если, конечно, не будут сделаны выводы и не скорректировано взаимодействие с Асадом в сужающемся коридоре возможностей.

